

УДК 165.3, 167.7

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИИ КАК НАУКИ

Загидуллин Ж.К.

ФГБУН «Институт философии Российской академии наук», г. Москва, Россия (119991, Москва, ул. Волхонка, 14/1, стр.5), e-mail: autist2000@mail.ru

В статье приведены результаты эпистемологического анализа психологии как науки сквозь призму концепции социальных эстафет известного российского философа М.А. Розова. В статье представлены результаты анализа различных типов научных теорий в психологии (классификационные, псевдогенетические и факторные теории), описана их специфика, а также определены основные источники образцов для построения научных теорий в психологии (психоанализ, физиология и медицинская практика). Также в статье сделан вывод о том, что в современной психологии идет последовательная работа по формированию подлинно научных теорий. Автор сформулировал на будущее программу эпистемологического анализа психологии как науки на базе эстафетной модели науки, которая может быть эффективна и эвристична для анализа не только психологии, но и других социально-гуманитарных наук.

Ключевые слова: психология как наука, эпистемологический анализ, теория социальных эстафет, научная теория.

EPISTEMOLOGICAL ANALYSIS OF PSYCHOLOGY AS A SCIENCE

Zagidullin Z.K.

The Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (IPhRAS), Moscow, Russia (Volkhonka 14/5, 119991 Moscow, Russia), e-mail: autist2000@mail.ru

The paper presents results of epistemological analysis of psychology as a science in the light of the conception of social relays famous Russian philosopher M.A. Rozov. The paper analyzes the different types of scientific theories in psychology (classification theory, pseudo-genetic theory and factor theory), described their specificity, and the main sources of samples for construction of scientific theories in psychology (psychoanalysis, physiology and medical practice). Also in the article concluded that modern psychology is consistent work to construction genuine scientific theories. The author formulated the program for the future of the epistemological analysis of psychology as a science based on the relay model of science that can be effective and representative analysis, and other social and human sciences.

Keywords: psychology as a science, epistemological analysis, social relays theory, scientific theory.

В XX веке психология нередко становилась предметом интереса философов, которые анализировали - замысел создания психологии как науки; социальные процессы, определяющие становление психологии; категориальные характеристики мышления психологов и предмета психологии; отдельные идеи и концепции психологии (например, психоанализ или теорию экологического восприятия Дж. Гибсона), имеющие значение для философии.

Однако психологию редко рассматривают с точки зрения эпистемологических особенностей, процесса производства научных знаний. Немногочисленные попытки эпистемологического анализа психологических знаний и теорий, имеющие место в современной философии и методологии, исходят из упрощающей и потому, на наш взгляд, ошибочной установки – попытки свести все многообразие психологии к одному универсальному способу объяснения ее как науки. Как например это делает известный российский философ и методолог В.М. Розин связывая суть психологических теорий с

построением исключительно «нарратива и схем практического действия» [13, 81].

Чтобы избежать подобных упрощений мы будем использовать концептуальный аппарат эпистемологической концепции анализа науки российского философа М.А. Розова и моделью науки, разработанную на ее базе [14; 15].

По мнению Розова, наука является социальным *куматоидом* (от греческого слова *kuma* – волна), реализующим различные социальные программы на постоянно сменяемом человеческом материале. В ядре так понятой науки лежит осуществление двух ключевых типов программ – *исследовательских* (получение знаний) и *коллекторских* (систематизация знаний). «Науку можно рассматривать как механизм централизованной социальной памяти, которая аккумулирует практический и теоретический опыт человечества и делает его всеобщим достоянием» [15, 90]. Розов предлагает исследовать науку сквозь призму категории социальной памяти, где системообразующим для производства и обращения знаний является процесс воспроизводства непосредственных и вербализованных (опосредованных) образцов поведения и деятельности ученых. В концепции социальных эстафет на вопрос о том, в форме чего существуют научные знания (как предметные, так и инструментальные) – дается следующий ответ: в виде волноподобных форм организации социальной памяти, социальных куматоидов. Соответственно, образцы организации научного познания и образцы продуктов науки – и есть то, что передается, воспроизводится, и развивается в науке. Описание (вербализация) содержания этих образцов и есть научное знание, элементарную структуру которых можно определить как комплекс из эстафет референции (представление объекта знания) и репрезентации (содержание знания в форме целостного акта деятельности с объектом знания). Важной спецификой науки, по мнению Розова, являются то, что ее следует рассматривать как систему с рефлексией: фиксируя результаты своих исследований, ученый одновременно строит описание своих действий [14, 153]. Это задает требования к философскому анализу, в частности, установку на построение отличной от рефлексии ученого философской (эпистемологической) картины жизни науки.

Если рассматривать концепцию М.А. Розова как потенциальную программу эпистемологических исследований, то для анализа психологии как научной дисциплины следует рассмотреть следующие вопросы:

- *строение и специфику научных знаний* в психологии (референция и репрезентация);
- *строение и специфику психологических теорий* (типы научных теорий);
- *особенности наукообразующих программ психологии* (исследовательских и коллекторских), а также *практики систематизации* научных знаний;
- роль *внутринаучной рефлексии* психологов-ученых в развитии психологии.

Понятно, что результаты такого комплексного анализа сложно изложить в одной

статье, и поэтому мы ограничимся *частной подзадачей*, но имеющей принципиальное значение для понимания психологии – рассмотрим какие в психологии имеются научные теории, в чем их специфика и как их можно охарактеризовать с точки зрения эпистемологии.

Но прежде чем приступить к анализу собственно психологии уточним наши представления относительно научных теорий. По мнению М.А. Розова, специфика научных теорий состоит в наличии особой социальной программы – теоретического конструктора. «Теория – это совокупность знаний, объединенная тем, что все репрезентаторы в пределах этой совокупности либо непосредственно строятся с помощью некоторого конструктора, либо получаются путем конструктивного преобразования изучаемых объектов и сведения их к объектам, уже изученным. Правила таких преобразований и образуют теоретический конструктор» [14, 388].

Иными словами, теоретический конструктор представляет собой набор конструктивных элементов-объектов, для которых заданы определенные способы преобразования и при помощи которых ученый может создавать (конструировать) объект своего изучения с заранее определенными «степенями свободы». Важно иметь в виду, что теоретический конструктор должен позволять каждому «пользователю» получать воспроизводимый, повторяемый результат, а, следовательно, правила и образцы в рамках данного конструктора должны функционировать единообразно (требование однородности теоретического конструктора). Например, в рамках атомистического конструктора мы можем конструировать множество явлений - модель газа, жидкости, твердого тела. Хотя, естественно, ученый в своей работе может опираться на множество образцов конструирования, и в этом смысле, теоретический конструктор далеко не всегда вербализован. Порой ученому достаточно иметь перед глазами образцы решенных задач или успешно проведенных преобразований с объектом.

В зависимости от развитости теоретического конструктора Розов выделяет три разных (в эпистемологическом смысле) типа научных теорий: *инквизитные*, *эксквизитные* (от лат. *in-quisivi*, *ex-quisivi*) и *квазиэксквизитные*. В *инквизитных* теориях конструктор задан на множестве самих изучаемых объектов, что, как правило, сильно ограничивает продуктивность теории, но часто бывает распространена в ситуации становления дисциплины или теории. Например, в геометрии Евклида правила преобразования геометрических фигур, правила их построения определены как способ редуцирования одних геометрических фигур к другим, уже изученным. Нечто аналогичное мы имеем в истории развития статики, где за счет технических преобразований, примененных еще Галилеем, все простые машины могут быть сведены к рычагу. Работа в рамках инквизитных теорий и в

таких конструкторах, заданных на множестве изучаемых объектов, требует от ученого большой изобретательности.

Особенность *эксquisite* теорий состоит в том, что теоретический конструктор в них задан на объектах иной, чем объясняемые, природы. Например, в кинетической теории материи изучаемые объекты типа газа строятся на базе атомных представлений, причем, что очень важно, движение и столкновение атомов подчиняется законам механики. «Конструктор, таким образом, частично заимствуется из другой области знания, но за счет некоторых промежуточных предположений... вроде предположений Больцмана, что атомы – это упругие шарики. Теория приобретает как бы две экспериментальных базы: экспериментальное изучение газов, с одной стороны, и эксперименты в механике, с другой» [14, 257]. Обычно этот тип теорий соответствует *развитой* форме науки и представляется как наиболее богатая и продуктивная по своим возможностям теория.

И, наконец, *квазиэксquisite* научные теории, как следует из названия – являются более слабыми версиями *эксquisite* теорий. Хотя они и строятся на «пересечении» разных традиций (их конструктор также задан на особых объектах, отличных от изучаемых ученым), но правила работы с объектами конструктора не имеют самостоятельного обоснования в какой-либо другой области научного знания. «Чаще всего они заимствуются из сферы оперирования с теми явлениями, которые являются непосредственными объектами нашего исследования, а иногда представляют собой некоторые удобные априорные допущения» [14, 413].

В ходе исторического развития *квазиэксquisite* теории, отмечает Розов, «сплошь и рядом превращаются в *эксquisite* в связи с развитием соответствующих областей знания. Например, все теории химического строения до появления квантовой механики были *квазиэксquisite*, но превратились в *эксquisite*, когда возникла квантовая химия и теория химической связи. Другой пример. Уже в XVI веке, изучая заразные болезни, Джироламо Фракасторо строит теорию, согласно которой заражение происходит по причине наличия особых «семян», способных порождать себе подобных. Эта теория становится *эксquisite* в связи с развитием микробиологии. Аналогичным образом генетику Менделя можно считать *квазиэксquisite* теорией до тех пор, пока не была выявлена химическая природа гена» [14, 259].

Розов, вводя вышеуказанную типологию, задает *содержание* этапов развития научной дисциплины – от *инквизитных* теорий к *эксquisite* – то, что, по сути дела, отсутствовало в концепции науки Т. Куна

Рассмотрим теперь как же обстоят дела в научной психологии и какие теоретические конструкторы используются психологами. Одна из наиболее бесспорных научных

психологических теорий связана с физиологическим конструктором – периферическая теория эмоций Джеймса-Ланге (созданная в 1890 году) определяла эмоции как субъективную оценку и ощущения от физиологических состояний организма человека: «мы печальны, потому что плачем; боимся, потому что дрожим; радуемся, потому что смеемся» [2, 170-171]. Иначе говоря, был взят конструктор из физиологии, который позволил определить объективные параметры и классифицировать различные состояния организма человека, и каждому так сконструированному состоянию было приписано субъективное содержание (оценка). В итоге за счет такого двухуровневого репрезентатора (физиологическое состояние + субъективная оценка) получилась теория происхождения и классификации различных эмоций. Как об этом пишет известный специалист по психологии эмоций и мотивации В.К. Виллюнас, эта «теория стала своего рода образцом для большого числа альтернативных теорий, отличающихся лишь тем, какой именно физиологический процесс рассматривался главной детерминантой возникновения эмоций» [17, 26].

Вся суть такого вида психологических теорий – построить двухуровневый репрезентатор и на его основе – классификацию достаточно большого спектра психических явлений. Поэтому этот вид теорий можно назвать – классификационные теории. М.А. Розов подчеркивал большую внутреннюю связь между теорией и различными научными классификациями. Поэтому решение такой задачи – уже немало для психологии.

Большинство современных когнитивных теорий познавательных процессов ограничиваются решением схожей задачи, и потому, в эпистемологическом смысле, реализуют образец теории Джеймса-Ланге. Только в современных когнитивных психологических теориях на роль конструктора выбрана «компьютерная метафора», т.е. способы определения и классификации информационных событий и процессов в цифровых вычислительных машинах (ввод-вывод, хард-софт, машинные языки программирования, вычислительные процессы, оперативная и постоянная память, кодирование и т.п.) [4]. С ними сопоставляются различные субъективные оценки и состояния, а также традиционные психические процессы (восприятие, внимание, память, мышление, прогнозирование, сознательный контроль). В эпистемологическом смысле перед нами – «квазиэксquisite» теории, где репрезентаторы заданы на «чужом» конструкторе из другой практики. Однако правила оперирования этими двухуровневыми репрезентаторами и в теории Джеймса-Ланге, и в когнитивной психологии – пока не имеют самостоятельного обоснования. Как об этом писал классик когнитивной психологии У. Найссер, «изучение процессов переработки информации становится все более распространенным и престижным, однако оно пока еще не связано с такой теорией человеческой природы, которая могла бы найти себе применение за

пределами лаборатории. И даже в лаборатории ее основные постулаты не выходят за рамки той компьютерной модели, которой она обязана своим существованием» [9, 28].

В психологии, помимо теорий на базе «физиологического» и «компьютерного» конструктора, также очень развиты теории, которые представляют из себя периодизации очень разнородных процессов и объектов. Например, распространенный вариант периодизации представлен в таком виде психологических теорий как *псевдогенетическая теория*. В них те или иные параметры объекта изучения или психологические факты распределены по временной шкале с выделением этапности или стадий развития. Речь может идти о периодизации жизни человека: перинатальный период (сразу после рождения), младенчество (от 0 до 1 года), ранний возраст (от 1 до 3 лет), дошкольный период с 3 до 5-7 лет, младший школьный возраст (с 6-7 до 11 лет), отрочество (от 11 до 15-16 лет), юность с 15 до 21-24 лет.

Несмотря на большие разногласия по содержанию выделенных периодов жизни человека, с выделением именно этих 6-8 периодов жизни человека соглашаются большинство ученых-психологов. Это согласие выражено в следующих очень разных психологических теориях:

- стадий психосексуального развития (З. Фрейд) [16];
- стадий психосоциального развития (Э. Эриксон) [19];
- этологической теории привязанности (Дж. Боулби) [3];
- стадий интеллектуального развития (Ж. Пиаже) [12];
- развития ведущих психических функций (Л. Выготский) [5];
- развития ведущей деятельности (Д. Эльконин) [18].

Способ рассуждений психологов при определении этих периодизаций очень схож. В каждом из периодов выделяется один основной процесс (механизм), который и задает специфику поведения человека в этом возрасте. Фрейд выделяет специфику психосексуального развития в виде преобладания на каждой стадии одного конкретного созревающего органа и связанных с этим органом психических особенностей развития либидо/сексуальности (оральная, анальная, фаллическая стадии и т.д.); Эриксон выделяет стадии по основной проблеме, которую решает ребенок и ухаживающий за ним взрослый (базовое доверие, автономия, конфликт между предприимчивостью и неадекватностью и т.д.); Боулби – по форме взаимодействия ребенка и объекта привязанности (неразборчивая реакция, выделение знакомых людей, интенсивная привязанность и т.п.); Пиаже – по набору интеллектуальных операций, осваиваемых ребенком (сенсомоторный интеллект, конкретные операции, формальные операции); Выготский – по формируемой ведущей психической функции и переживаемыми ребенком психологическими кризисами; Эльконин – по

ведущему типу деятельности этапа (предметно-манипулятивная деятельность, сюжетно-ролевая игра, учебная деятельность и т.д.).

Указанные псевдогенетические теории можно разделить на две группы. Первая – характеризуются тем, что содержание периодов/стадий определено на материале изменений самих объектов теории. Например, в теории привязанности Боулби каждая стадия описывает то, как меняется характер зависимости ребенка от заботящегося о нем взрослого. Подобным образом Эриксон в своей теории психосоциального развития описывает, как ребёнок в отношениях со взрослыми решает те или иные психосоциальные проблемы (доверия, автономии действия, удовлетворения от творчества и т.п.). Такие теории в концепции социальных эстафет называются *«инквизитными»* и их научно-теоретический статус оценивается как относительно невысокий (начальный). Они похожи на систематизацию различных наблюдений, поэтому чаще всего являются феноменологическими (т.е. описывают поведение объекта изучения, в нашем случае – ребенка и взрослого).

Для второй группы теорий из этого списка – *«квазиэксquisiteных»* теорий – характерно использование большего разнообразия в репрезентаторах, заимствованных в частности, из других областей науки. Однако эти концепции не могут обосновать самостоятельную логику оперирования этими репрезентаторами, что и отличает их от подлинных *«эксquisiteных»* теорий (по М.А. Розову *«эксquisiteные»* теории – это подлинный идеал научных теорий). Например, теория психосексуального развития Фрейда, по сути, такова: содержание этапа привязано к физиологии формирования органов сексуальности человека. Фрейд выстроил двойной ряд: каждому органу (рот, анус, фаллос) приписан ряд метафорических личностных характеристик человека (говорливость; жадность и перфекционизм; Эдипов комплекс), которые в соответствии с теорией проявляются в характере (и психических заболеваниях) человека, в зависимости от того на какой из стадий у него возникли проблемы, произошла *«фиксация»*. Легко заметить, что конструктивная база теории взята из медицины и физиологии, но действия с этими репрезентаторами (этапное развитие органов) подчиняются логике наблюдений Фрейда за характерами здоровых и больных людей, а не логике развития различных органов человеческого тела. Похожим образом устроены и теории Выготского, Пиаже, Давыдова и Эльконина. Совокупность репрезентаторов этих теорий задана на множестве других, отличных от изучаемых, объектах, но правила оперирования с ними не самостоятельны, они формулируются сообразно *«природе изучаемых объектов»*.

Надо сказать, что псевдогенетические теории достаточно распространены в науке. Достаточно вспомнить таковые теории в биологии, истории, экономике, социологии. Однако эта группа теорий в психологии имеет ряд отличительных особенностей. Дело в том, что

подлинно генетические теории подразумевают необратимый (однонаправленный) характер смены стадий: бабочка не может стать гусеницей, а Средние века не могут быть обращены в Античность. Все псевдогенетические теории в психологии подразумевают трансформацию в структурную модель психики взрослого человека, где каждая из *стадий* становится *уровнем* и имеет определённый статус существования. А стадии в психологии не проходят безвозвратно, они все время присутствуют в представлении о взрослом человеке: у него могут обнаружиться симптомы «анальной фиксации» (Фрейд) или студент наряду с умением учиться может начать играть в сюжетно-ролевые игры, т.е. реализовывать один из видов деятельности из прошлых периодов (Эльконин).

В этом смысле «генетичность» этих теорий – *кажущаяся*, скорее, их следует отнести к классу структурных теорий, получивших псевдогенетическое обоснование в стадиях развития человека. Построение такой теорий, связывающих временную развертку и пространственную организацию объекта, позволяет легко использовать их для диагностики тех или иных нарушений (проблем) у взрослого человека [8]: отсутствующая функция или продуктивный симптом – указывают на нарушение в соответствующем уровне (стадии). Это позволяет ученому вместе с теоретическим осмыслением легко выходить в практическое действие: за счет процедуры перевода описания того или иного уровня в предписания по организации тех или иных психических ситуаций или психопрактических действий (компенсаций).

Между тем, в научной психологии можно выделить еще один вид психологических теорий, интересных для эпистемологического анализа. Условно их можно назвать *факторными теориями*, предназначенными для объяснения хорошо известного эмпирического материала.

Например, еще со времен Гиппократов, как правило, во врачебной или военной практике используется психологическая классификация людей по видам темпераментов: холерики, сангвиники, флегматики, меланхолики. Гиппократ задавал ее, основываясь на натурфилософских принципах о преобладании разных видов жидкостей в теле человека (желчь, слизи, крови и черной жёлчи), что определяли особенностей поведения людей и их темпераментов. Долгое время эта типология оставалась на уровне практического знания, достаточно правдоподобно схватывающего феноменологию поведения людей. Однако уже в XX веке, нобелевский лауреат, психофизиолог И.П. Павлов задает полноценную типологию, основанную на действии ряда факторов, связанных с фундаментальными динамическими параметрами нервной системы человека (тип высшей нервной деятельности). Речь идет о факторах – силе, уравновешенности и подвижности процессов возбуждения и торможения, протекающих в нервной системе человека и высших животных. В дальнейшем уточнение

этих факторов последователями Павлова привело к появлению простой и логичной типологии темперамента, используемой до сих пор [10, 153-159] (см. Таблица).

Таблица

		Возбудимость нервной системы	
		легкая	трудная
Торможение нервной системы	легкая	ХОЛЕРИК	МЕЛАНХОЛИК
	трудная	САНГВИНИК	ФЛЕГМАТИК

В итоге получились те же гиппократовские четыре темперамента, но феноменология поведения была объяснена действием двух факторов – торможением и возбуждением нервной системы. Иными словами, репрезентаторы этой теории заданы на внешнем для психологии конструкторе (из неврологии и психофизиологии), правила оперирования которыми определены логикой этого конструктора – возможностями взаимовлияния и суммирования действия динамических параметров нервной системы, что в итоге дает специфику поведения человека в каждом типе темперамента. В целом тут мы имеем *эксquisite теорию темпераментов*, чей развитый эпистемологический статус как научной теории, к сожалению, наталкивается на трудности практического использования. Дело в том, что ясных способов диагностики и нормирования (легкости/трудности) этих параметров нервной системы в психологии до сих пор отсутствуют, по этому поводу ведутся большие споры и дискуссии. Во многом рефлексия проблем использования диагностического инструментария в личностных опросниках, проделанная упоминавшийся Г. Айзенком [1], есть реакция именно на эти трудности. Неслучайно М.А. Розов в концепции социальных эстафет упоминает, помимо теоретического, – *практический конструктор*, который должен позволять создавать ситуации практическое употребление тех или иных научных теорий, конструировать эксперименты, методическую базу научно-исследовательской работы. К сожалению, эта тема на сегодня мало обсуждалась и нуждается в дальнейшей серьезной проработке.

Имеется другая, отчасти похожая на теорию темпераментов, многообещающая психологическая теория, связанная с представлением об дизонтогенезе психического развития в детском возрасте. Она разработана создателем нового направления в психологической науке – психологии аномального развития, а также соавтором самобытной концепции психологического понимания и лечения раннего детского аутизма В.В. Лебединским [6], а также его коллегами и учениками [7; 11]. Смысл ее состоит в том, чтобы попытаться объяснить на уровне психологических механизмов причины и разнообразие проявлений, пожалуй, самого загадочного и сложного психического заболевания XX века – раннего детского аутизма.

Как нозологическая единица «аутизм» появился не так давно: каких-то 50 лет назад, когда разными авторами (в основном, психиатрами) были описаны как единый симптомкомплекс – синдром Аспергера, болезнь Ретта, детский аутизм Каннера. В описание аутизма входит основная триада симптомов: «экстремальное одиночество» (избегание контакта с людьми), стереотипные паттерны поведения, специфические нарушения когнитивной и речевой сферы [6, 94]. Однако долгое время в осмыслении феномена раннего детского аутизма присутствовал стойкая описательность, при полном отсутствии понимания механизмов заболевания, что особенно удручает на фоне «избирательной гениальности» детей-аутистов и увеличивающимся распространением этого заболевания в XXI веке.

Как об этом пишет на сегодня ведущий специалист по диагностике и лечению раннего детского аутизма в России ученица Лебединского В.В. и руководитель сектора аутизма в Институте коррекционной педагогики РАО О.С. Никольская, «в попытках выделить первичное нарушение синдрома, внимание исследователей в последние десятилетия поочередно сосредотачивалось на трудностях в развитии всех психических функций. Но каждый раз, вслед за выявлением фактов дефицитарности сенсомоторной, речевой или интеллектуальной области, обнаруживалась группа аутичных детей, которая именно такой специфической трудности не имела» [11, 12]. В ответ на эту проблемную ситуацию Лебединский сформулировал теорию раннего детского аутизма как одного из вида искаженного психического развития. В ядре этого заболевания выделялись стойкое сочетание двух факторов: нарушение активности ребенка (слабость психического тонуса и психической энергии) и снижение порогов аффективного дискомфорта (чувствительности) во взаимодействии со средой (болезненная чувствительность даже к простейшим сигналам – цвет, запах, звук). Сочетание этих, по сути, медико-биологических факторов объяснило формирование первичного дефекта заболевания (неспособность к контактам с людьми), который в сочетании с вынужденным уходом от общения приводит к формированию вторичного дефекта (сенсорная и эмоциональная депривация). Это, в свою очередь, формирует потребность в компенсаторной аутостимуляции ребенка-аутиста (стереотипные действия, покачивания, «привычная» аутоагрессия и т.п.). Такая теоретическая конструкция: два фактора плюс выделение первичного и вторичного дефекта – позволили Лебединскому объяснить большую часть симптоматики заболеваний аутистического спектра. Так, в теорию аутизма были введены в качестве репрезентаторов внешние для психологии факторы (из биологии и, отчасти, из этологии [20]) и методологические принципы оперирования ими: когда динамика психического заболевания описывалась как движение от первичного к вторичному дефекту (принцип, сформулированный еще Л.С. Выготским). Все это позволило создать, по сути, полноценную «эксквизитную» научную теорию, выстроить целую школу и

психологическую практику лечения аутизма. Применение же этой теории регулируется практическим конструктором, который также на сегодня (несмотря на большие усилия Никольской и ее команды) пока еще не вполне вербализован.

Таким образом, создание «эксquisiteй» научной теории наталкивается на необходимость создания *полной инфраструктуры* производства научных знаний: институт экспертизы изучаемых объектов, подготовка кадров и вербализация образцов поведения и детальности ученых, оформление в стандартизированных формах практического конструктора данного направления науки (в рамках которого производится конструирование практических и исследовательских ситуаций использования данной научной теории).

Итак, подведем итоги. Мы не стремимся утверждать, что проанализированные три вида психологических научных теорий – классификационные, псевдогенетические и факторные теории – исчерпывают все разнообразие теоретических построений в академической психологии. Эта работа по анализу ключевой эпистемической единицы научной психологии нуждается в продолжении. Но уже сейчас можно сказать, что в психологии идет последовательная работа по переводу «инквизитных» теорий в «эксquisiteй». Наш анализ продемонстрировал, насколько велика в этом процессе роль других научных дисциплин и различных практик - психоанализа, физиологии и медико-биологических практик, которые нередко выступают в качестве источников образцов построения научных теорий. Следует также отметить, что использованный нами эпистемологический подход и эстафетная модель науки показали отсутствие непреодолимой дистанции между естественными и гуманитарными науками. Дело в том, что концепция социальных эстафет М.А. Розова реализует замысел переноса эвристик и нормативов развитых естественных наук на социально-гуманитарную сферу, что позволяет делать волновая (эстафетная) онтология. Представляется, что именно этот подход и модель будут эффективны и эвристичны для анализа не только психологии, но и других социально-гуманитарных наук (социология, экономика, политологии и пр.).

Список литературы

1. Айзенк Г.Ю. Количество измерений личности: 16, 5 или 3? Критерии таксономической парадигмы // Иностранная психология. 1993, №2, Т.1, С.9-23.
2. Большой психологический словарь / Под редакцией Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М.: АСТ-Москва, 2009. С.170-171.
3. Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003. – 477 с.
4. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания. В 2 т. М.: Смысл. 2006.

5. Выготский Л.С. Проблемы возрастной (детской) психологии // Выготский Л.С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 4. М.: Педагогика. 1984. С. 243-385.
6. Лебединский В. В. Нарушения психического развития в детском возрасте. М.: Академия, 2003. – 144 с.
7. Лебединский В.В., Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М. Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция. М.: Изд-во МГУ, 1990. – 197 с.
8. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Класс. 2010. – 480 с.
9. Найссер У. Познание и реальность: смысл и принципы когнитивной психологии. М.: Прогресс, 1981. – 232 с.
10. Небылицын В. Д. Темперамент // Психология индивидуальных различий. Тексты. / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М.: МГУ, 1982. С. 153-159.
11. Никольская О.С. Аффективная сфера как система смыслов, организующих сознание и поведение. М.: МГППУ. 2008. – 464 с.
12. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Просвещение. 1969. – 596 с.
13. Розин М.В. Эпистемологический статус психологических теорий // Методология науки и антропология / Отв. ред. О.И. Генисаретский, А.П. Огурцов. М.: ИФРАН, 2012, С.59-87.
14. Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М.: Издательство «Новый хронограф», 2008. – 352 с.
15. Розов М.А. Наука как традиция // Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М.: Контакт-Альфа, 1995. С. 70-190.
16. Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск: Попурри, 1999. – 608 с.
17. Хрестоматия: Психология эмоций. Тексты / Под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. М.: МГУ, 1984. С.26.
18. Эльконин Д.Б. Детская психология. М.: Учпедгиз, 1960. – 328 с.
19. Эриксон Э. Г. Детство и общество. СПб.: Летний сад, 2000. – 416 с.
20. Tinbergen N., Tinbergen E. Autistic children: New Hope for a Cure. L. 1984. – 362 p.

Рецензенты:

Ивахненко Евгений Николаевич, доктор философских наук, профессор, зав. кафедры социальной философии ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), г.Москва.

Кузнецова Наталья Ивановна, доктор философских наук, профессор кафедры современных проблем философии ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), г.Москва.